

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Къ вопросу о финнскомъ вліяніи на великорусское племя.

Н. Ю. Зографъ. Антропометрическія изслѣдованія мужскаго великорусскаго населенія Владимирской, Ярославской и Костромской губерній. М. 1892.

Отдѣлъ Антропологии Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии поручилъ профессору Н. Ю. Зографу произвести антропометрическія наблюденія въ предѣлахъ Владиміро-Суздальскаго края, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы онъ по преимуществу изслѣдовалъ мѣста по верхнему теченію Волги или между верхнимъ теченіемъ Волги и Окою. Проф. Зографъ по разнымъ соображеніямъ остановился на губерціяхъ Владимирской, Ярославской и Костромской и произвелъ измѣренія 191 уроженцевъ этихъ губерній, по преимуществу заводскихъ рабочихъ, маляровъ, плотниковъ, трактирныхъ служителей, а сверхъ того, воспользовался свѣдѣніями о призывныхъ къ исполненію воинской повинности.

Мы не беремся судить о томъ, какъ измѣрялъ г. Зографъ; равнымъ образомъ въ нашу задачу не входитъ сопоставленіе его данныхъ съ данными другихъ антропологовъ. Наше дѣло лишь сообщить результаты его изслѣдованія.

«Какъ тѣ антропологическія данныя, которыя получены наблюденіями моими и Н. И. Лыжина, такъ и тѣ данныя, которыя даетъ намъ литература, убѣждаютъ насъ въ томъ, что Великоруссы не являются народностью чистою, однообразною, что, напротивъ того, въ Великоруссіи смѣшано нѣсколько типовъ, и типовъ, повидимому, разнообразныхъ и многочисленныхъ. Число этихъ типовъ, давшихъ начало великорусскому народу, опредѣляется разными авторами различно. Большая часть авторовъ, въ томъ числѣ почти всѣ многочисленныя изслѣдователи культуры и языка русскаго народа, склонны къ тому, чтобы видѣть въ русскомъ народѣ вообще, въ Великоруссахъ же центральной Россіи въ частности слитіе двухъ преобладающихъ типовъ—славянскаго пришлаго, не кореннаго въ Великой Россіи, и древняго, кореннаго обитателя, который называется одними финской, другими угорской, третьими болѣе общимъ названіемъ—урало-алтайской народностью»... Типы Великоруссовъ изслѣдованныхъ г. Зографомъ губерній «группируются въ двѣ довольно удобно различимыя группы, имѣющія общіе признаки, довольно характерно отличающіе ихъ другъ отъ друга», въ два общіе типа: великорослый и низкорослый.

Первый типъ имѣетъ «какъ средній, такъ и наиболѣе часто встрѣчающійся» ростъ около 1700 миллиметровъ; голова у него «суббрахицефалична, но съ наклономъ къ мезатицефалии и съ случаями долихоцефалии»; цвѣтъ волосъ преимущественно—свѣтлорусый, глазъ—сѣрый.

Второй типъ имѣетъ «какъ средній, такъ и наиболѣе часто встрѣчающійся» ростъ около 1630 миллиметровъ, голову суббрахицефаличную, съ наклономъ къ брахицефалии, цвѣтъ волосъ преимущественно—темнорусый, глазъ—сѣрый.

Родоначальники перваго типа, высокорослаго и свѣтловолосаго, имѣющаго себѣ много родственнаго въ типахъ Вѣлоруссовъ, Малоруссовъ, Литовцевъ,—Славяне; родо-

начальники второго, низкорослаго и темноволосаго, заключающаго въ себѣ черты близкія къ чертамъ Пермскѣмъ, Вотьяковъ, Черемисъ, Мордвы,—автохтоны Финны¹⁾).

Таковы результаты изслѣдованія проф. Зографа. Они всякому сколько-нибудь знающему съ предметомъ сразу внушаютъ полное недовѣріе. Вѣдь ближайшіе родичи Великоруссовъ, въ которыхъ никто еще не подозревалъ финской примѣси,—Бѣлоруссы²⁾ и Малоруссы³⁾, по преимуществу брахцефалы и зачастую—особенно Малоруссы—темноволосые! Вѣдь ближайшіе родичи Русскихъ—Сербы, Чехи, по преимуществу также брахцефалы и темноволосые! Вѣдь Финны Сибири—долихоцефалы, а собственно - Финны и Эсты, а отчасти и восточные Финны, свѣтловолосые! Вѣдь Поляки—по преимуществу низкорослы, а Эсты—великорослы⁴⁾).

И дѣйствительно, выводы проф. Зографа не имѣютъ права называться выводами. Авторъ получилъ ихъ не путемъ сравнительно-антропологическаго изслѣдованія Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ съ Малоруссами, Русскими вообще и другихъ Славянъ, Славянъ вообще и Финновъ (которое одно могло-бы имѣть цѣну), а на основаніи историко-филологическихъ теорій.

Мы, конечно, отнюдь не считаемъ себя въ правѣ ставить г. Зографу въ упрекъ то, что онъ не занялся изученіемъ нашихъ лѣтисей или лингвистическими изслѣдованіями. Мы съ горестью признаемъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе.

Наши историки почти всѣ утверждаютъ, что Русскіе, предки Великоруссовъ, заняли мѣста нынѣшняго великорускаго центра мирнымъ путемъ, что они поселились на земляхъ нынѣ не занятыхъ, рядомъ съ автохтонами Финнами, что они ассимилировали съ собою этихъ Финновъ, что въ Великоруссахъ центра такимъ образомъ течетъ столько же славянская, сколько и финская кровь. Ученіе нашихъ историковъ легло въ основанію известной теоріи Духинскаго о Великоруссахъ, до сихъ поръ повторяемой западно-европейскими учеными и публицистами, которая была бы простымъ логическимъ выводомъ изъ него, если бы не заключала въ себѣ слишкомъ большихъ преувеличеній...

Лишь Костомаровъ высказался иначе. Въ одной изъ статей его мы читаемъ: «Финнскія племена, жившія на земляхъ нынѣшняго великорускаго центра и давшія въ до-историческое время названія мѣстностямъ, сохранившимъ ихъ и до сихъ поръ, уступая наплыву славянскаго племени, отодвигались далѣе къ востоку и юго-востоку»...

¹⁾ Стр. 172—175.

²⁾ «Бѣлоруссы Виленской губ. отличаются какъ отъ Литовцевъ, такъ и отъ Великороссовъ темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, нѣсколько выступающимъ носомъ и худощавостію». Этнографич. Сборн., III, 122.—Бѣлоруссы Витебской губ. имѣютъ средній ростъ, полусмуглое лицо, различный цвѣтъ волосъ: чаще русый и свѣтлорусый, гораздо рѣже совершенно черный и рыжій. Князь Долгоруковъ, Витебская губ. Историко-географ. и статистич. обзоръ, Витебскъ, 1890, стр. 236.

³⁾ Какъ разнообразны типы малорускаго населенія въ мѣстахъ его древней территоріи, можно видѣть изъ слѣдующихъ описаній жителей двухъ частей Волынскаго Полѣся. «Коренной житель» Полѣся, говорится въ одномъ, имѣетъ русые волосы, голубые глаза, складъ лица болѣе широкій, чѣмъ продолговатый, съ узкимъ лбомъ, средній ростъ; черноволосыхъ и черноглазыхъ Полѣшукъ не видно» (Волынск. Губернск. Вѣдом. 1868 г. № 126).

«Полѣсскій народъ, читаемъ мы въ другомъ описаніи, вообще много отличается отъ Волынянъ, рѣзко отличается отъ чисто-русскаго народа по наружности, именно: цвѣтъ лица болѣею частью смуглый у мужчинъ и блѣдно-желтый у женщинъ, волосы черные, ростъ средній, глаза сѣрые и рѣдко голубые. На сто человѣкъ вѣрно можно положить пять, кои имѣли бы лице блѣое съ волосами блѣлыми или рыжими». (Волынскія Губернскія Вѣдом. 1859 г. № 15).

Ближайшіе родичи волынскихъ Полѣшукъ—Полѣшукъ Сѣдлецкой губ.—«по большей части блѣлые». Русск. Филологич. Вѣстн. 1884 г., № 2, стр. 255.

О цвѣтѣ волосъ и глазъ у Малоруссовъ наиболѣе родственныхъ между собою во всѣхъ отношеніяхъ, именно у Украинцевъ, Галичанъ и горцевъ см. у Талько-Гринцевича (Zbiór wiad. do antropologii krajowej, т. XIV).

⁴⁾ Анучинъ, О географическомъ распредѣленіи роста, карта VI.—Закржевскій въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. XV, карта. Срв. Анучинъ статья «Великоруссы» въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Эфрона (1892).—Зыряновъ Удоръ—«народъ рослый, сильный». Вологодскій Сборникъ, I, 21.

«Финскія племена ассимилировались (съ Великоруссами) только отчасти; гораздо въ большихъ массахъ они подвигались далѣе и убѣгали отъ поглощающей славянской стихіи. Подобные факты совершались и на нашихъ глазахъ: Мордва ¹⁾ подвинулась въ началѣ XVIII вѣка въ Саратовскую губернію изъ Пензенской, гдѣ тѣснило ее распространявшееся русское народонаселеніе ²⁾».

Да въ недавнее время докторъ Блиссевъ въ своей статьѣ по археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна (которая, къ нашему удивленію, осталась совершенно неизвѣстна проф. Зографу) пришелъ къ такимъ соображеніямъ. «Первые славянскіе пришельцы, говорить онъ, достигшіе волоковъ, раздѣляющихъ бассейны Волги, Днѣпра, Западной Двины и Ильменя, встрѣтили въ этихъ мѣстностяхъ полубродячее, полусѣдлое племя финнско-угорской семьи... Все болѣе подвигаясь къ сѣверу и сѣверо-западу, Славяне тѣмъ болѣе тѣснили аборигенныя финнскія племена. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Финновъ было немного и гдѣ этихъ послѣднихъ ничто не приковывало къ данной мѣстности, какъ напримѣръ Финновъ полудикихъ-охотничьихъ, Славяне, разумѣется, подвигались впередъ безпрепятственно. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе было кучнѣе и гдѣ, слѣдовательно, было больше условій, приковывавшихъ сѣдлыхъ туземцевъ, а также тамъ, гдѣ Финнамъ дѣлаться было некуда, Славяне встрѣчали со стороны послѣднихъ отчаянное сопротивленіе... Финны тихъ и миролюбивъ по природѣ, это правда; но если затронуть его, онъ сражается какъ левъ; не даромъ Новгородцы и потомъ Шведы въ своихъ войнахъ употребляли съ такою охотою финнскіе полки... Рядъ кургановъ по обѣимъ берегамъ Ловати, Полы, Мсты и отчасти Волхова, Порусыи и Полсти обозначаетъ собою путь, по которому въ бассейнѣ Ильменя двигалась къ сѣверу славянская колонизація, и вѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на тѣ мѣста, гдѣ пришельцамъ было оказано большее или меньшее сопротивленіе со стороны туземцевъ... Въ этихъ мѣстахъ, одаренныхъ всѣмъ благами, какія только возможны подъ этою параллелью, гдѣ населеніе было искони, пришельцамъ Славянамъ было оказано сильное сопротивленіе. Съ бою славянскіе колонисты завладѣли каждымъ кусочкомъ земли, кровью своею и финнскою они оросили ее, и группы кургановъ, полныхъ человѣческими костями, подтверждаютъ это. У дд. Теребини нхъ 6, Середки и Селяхи по 3, въ Далевѣ, Коньковѣ по 4, Перелѣскѣ, Коломиѣ 5, при Рынѣ 7, при Волиѣ 14, при Золотомъ Камнѣ 17. Въ плодородныхъ мѣстностяхъ между Шелонью и Ловатью группы кургановъ свидѣтельствуютъ также, что и здѣсь туземцы уступили пришельцамъ не безъ упорной борьбы. То же самое замѣчаемъ мы и въ плодородныхъ мѣстностяхъ Демянскаго уѣзда, гдѣ полны человѣческими костями группы попокъ ³⁾».

Теорія мирнаго занятія Русскими пустыхъ земель нынѣшняго великорусскаго центра и поселенія рядомъ съ Финнами не имѣетъ за собою никакихъ основаній. Въ ея пользу не говорятъ ничего ни лѣтописи, ни преданія, ни языкъ Великоруссовъ центра.

Начальная лѣтопись знаетъ Финновъ лишь въ немногихъ мѣстахъ центра: Мурому у города Мурома и при устьѣ Оки и Мерю на берегахъ озеръ Ростовскаго и Клешнина. Она упоминаетъ о нихъ лишь на первыхъ своихъ страницахъ, причисляя ихъ къ народамъ, «дающимъ дань Руси», наравнѣ съ Мордвою, Печерою, Литвою. Другія, болѣе позднія лѣтописи: Кіевская, Новгородская, даже Суздальская, не называютъ ни разу самыхъ именъ этихъ финнскихъ народовъ. Недавно открытое «Слово о погибели русской земли», половины XIII вѣка, перечисляя «поганскія страны», говоритъ только о Мордвѣ, Вуртасахъ, Черемисахъ. Такимъ образомъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ относительно того, что случилось съ Муромомъ и Мерью, слились ли эти Финны съ Русскими, или удалились на востокъ, и можемъ судить лишь на основаніи аналогій. Русскіе въ исто-

¹⁾ Мы можемъ указать еще на Вотьяковъ, которые, по мѣстному преданію, подвинулись съ сѣверо-запада Вятской губерніи на юго-востокъ. См. статью «Вотьяки» въ Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза-Эфрона (1892 г.).

²⁾ Основана 1861 г., № 2, стр. 128 (статья: «Отвѣтъ на выходки газеты Сз а в»).

³⁾ Журн. Мин. Н. Пр. 1881 г. № 5 (ст. «Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна»). Авторъ нашелъ въ курганахъ черепа долихоцефальные, по его мнѣнію—финнскіе, и брахицефальные, по его мнѣнію—русскіе.

рическое время нигдѣ не выказали стремленія къ обрусенію Фивновъ, и Новгородцы, напримѣръ, столь мало позаботились объ обрусеніи своихъ Води и Ижоры, что послѣдніе и до сихъ поръ остаются Финнами; поэтому, кажется, вполнѣ позволительно думать, что Муромъ, жившая при устьѣ Оки и сосѣдвшая съ Мордовою, во всякомъ случаѣ не охваченная съ разныхъ сторонъ русскими поселеніями, если бы осталась въ мѣстахъ своего жительства, сохранила бы до позднѣйшаго времени свою вароудность. И такъ, повидимому, она ушла подъ напоромъ русскихъ сосѣдей и отъ притѣсненій русскихъ сборщиковъ даннъ.

Ни Начальная лѣтопись, ни другія не говорятъ объ мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ Русскихъ къ Финнамъ. Послѣдніе «даютъ дань Руси», даютъ, какъ естественно предполагать и какъ видно изъ показаній лѣтописей, въ добровольно, а по принужденію. Если Водь и Ижора, сосѣди Новгородцевъ, въ историческое время уже смирились съ своею участію давниковъ ¹⁾, то другіе Фивны, болѣе отдаленные отъ большихъ русскихъ городовъ, платятъ дань лишь тогда, когда передъ ними являются «данщики» съ многочисленными дружинами или цѣлыя войска и когда сопротивленіе невозможно. Лишь только они чувствуютъ себя въ состояніи дать отпоръ Русскимъ, они отстаиваютъ свою свободу. Новгородская лѣтопись полна описаніями походовъ Новгородцевъ на западную «Чудь», т. е. на Эстовъ; въ ней же нѣсколько извѣстій объ избіеніи «данщиковъ» съ дружинами «за Волокомъ», въ Печерѣ и въ Югрѣ (1079, 1187, 1193 гг.). Суздальская лѣтопись не разъ говоритъ о походахъ Суздальцевъ на Мордову. Вообще въ историческое время (XI—XIV вв.), по лѣтописямъ, вездѣ—и на западѣ, и на сѣверѣ, и на востокѣ—взаимныя отношенія Русскихъ и Финновъ таковы, что вдали отъ большихъ русскихъ городовъ первымъ невозможно показываться среди послѣднихъ въ видѣ мирныхъ колонистовъ, семьями или даже небольшими общинами.

Нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія особенно интересны. Запись Паремейника 1271 года говоритъ, что овъ написанъ «Матигорцамъ за Волокъ», т. е. жителямъ поселенія Матигоры, на югѣ нынѣшней Архангельской губерніи, очевидно Русскимъ. Она показываетъ, что въ половинѣ XIII вѣка были уже болѣе или менѣе значительныя русскія поселенія по нижнему теченію Сѣверной Двины. Новгородская лѣтопись даетъ намъ право предполагать, что отношенія этой русской колоніи къ ея финскимъ сосѣдямъ съ юга не были дружественными. Въ ней подъ 1219 годомъ упоминается о походѣ Новгородцевъ «на Тоймокары», т. е. по всей вѣроятности на жителей городка Тоймы, упоминаемаго въ уставѣ кн. Святослава Ольговича XII вѣка, на берегу рѣки Тоймы (въ нынѣшней Вологодской губ., близъ границъ Архангельской), на тѣхъ «поганныхъ Тоймичей», о которыхъ говорятъ «Слово о погибели русской земли»; а подъ 1323, 1324, 1329 годами разсказывается о возстаніи Устюжанъ (т. е. Финновъ, владѣвшихъ городомъ, который Русскіе называли Устюгомъ), о походѣ на нихъ, кончившемся миромъ «по старой пошлинѣ», объ избіеніи ими Новгородцевъ. Какъ будто всѣ эти походы предприняты Новгородцами для защиты своей колоніи, занявшей очень выгодное для морскихъ промысловъ мѣсто и захватившей эти промыслы въ свои руки,—отъ тѣснѣншихъ ее туземцевъ ²⁾.

Современныя преданія или совсѣмъ молчатъ о Финнахъ (между прочимъ во всемъ великорусскомъ цѣвтрѣ), или говорятъ о борьбѣ съ ними, кончившейся ихъ бѣгствомъ или истребленіемъ. Нашъ сѣверъ (губерніи Архангельская, Вологодская, Олонецкая, отчасти даже Пермская) вообще богатъ преданіями о «Чуди бѣлоглазой», а ближайшая къ Двинѣ часть Архангельской губ. (уѣзды Шенкурскій и Холмогорскій) въ особенности.—Въ Шенкурскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что прежніе его обитатели, Чудь, отчаянно за-

¹⁾ Лишь одинъ разъ, подъ 1069 г., Новгородская лѣтопись позволяетъ думать, что было возстаніе, или вѣдѣна Води. Она говоритъ: «о велика бѣша вѣдѣ Вожаномъ! и паде ихъ безчисленное число».

²⁾ Двинская колонія Новгородцевъ должна быть одной изъ старшихъ русскихъ колоній на сѣверѣ. Говоръ Двиняны въ XIV вѣкѣ уже былъ отличенъ отъ новгородскаго того же времени. Говоры современныхъ потомковъ Двиняны также имѣютъ свои рѣзкія особенности, какихъ нѣтъ въ другихъ говорахъ сѣвера, происшедшихъ отъ древняго новгородскаго.

щипались отъ Русскихъ и для этого строили крѣпости на каждомъ удобномъ мѣстѣ. Но защита имъ не удалась, и одинъ изъ нихъ бѣжалъ въ лѣса, другіе со всѣмъ имуществомъ закапывались въ глубокія ямы и тамъ убивали сами себя. Последнее дѣлалось такимъ образомъ. Выкопанныя ямы покрывались крышею на столбахъ, на крыши накладывались земля и камни; затѣмъ Чудь сходила въ ямы, подрубала столбы и гвѣла. Въ деревнѣ Чучепалѣ, на рѣкѣ Мезени (близъ границы Вологодской губ.), рассказываютъ, что Русскіе, поселившіеся въ этихъ мѣстахъ, такъ расправились съ своими сосѣдями—«Чудью бѣлоглазую»: они зимою прорубили въ рѣкѣ ледъ и загнали Чудь въ полынья ¹⁾.

Подобныя преданія прекрасно дополняются одной дѣтскою игрой въ Пинежскомъ уѣздѣ. Она говоритъ только о Самоѣдахъ, но, конечно, характеризуетъ отношенія Русскихъ стараго времени вообще къ сосѣдямъ туземцамъ. Эта «игра въ Самоѣды», игра, сходная съ игрой въ прятки, состоитъ въ томъ, что половина играющихъ дѣтей прячется, а другая идетъ разыскивать ихъ съ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Пойдемъ Самоѣдъ искать,
Самоѣдочку трепать;
Ужъ мы Самоѣдъ найдемъ,
Пополамъ разорвемъ.

Найденные ведутся на веревкѣ и кладутся на землю; а поймавшіе, наложивъ имъ на грудь колѣно, спрашиваютъ: смерти или живота? и даютъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не связжутъ: живота ²⁾.

Что наконецъ говорить намъ языкъ Великоруссовъ центра? Покойный Веске въ своихъ вообще очень почтенныхъ «Славяно-финскихъ культурныхъ отношеніяхъ по даннымъ языка» (Казань, 1890) отмѣтилъ небольшое количество словъ, будто бы заимствованныхъ Великоруссами центра у Финновъ и находящихся въ говорахъ центральныхъ губерній, въ родѣ торкать, турить, лебезить, холить, лытать, коверкать, кувырять, ковырять, каверзить, юркій, вехоть, калужа. Но ни одно изъ этихъ словъ не можетъ быть признано даже съ нѣкоторою вѣроятностію за финское по происхожденію; напротивъ, большая часть или существуетъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (напримѣръ, въ словинскомъ *vehet*, въ чешскомъ *trkati*, *kaluže*), или

¹⁾ Преданія нашего сѣвера о Чуди собраны у Ефимонка, Заволоцкая Чудь Архангельскъ, 1869.—Вотъ еще преданіе жителей г. Никольска (Вологодской губ.). Они рассказываютъ, что въ окрестностяхъ ихъ города нѣкогда жилъ поганный народъ, который прятался отъ Русскихъ въ ямы, прикрытыя сверху землею; что Русскіе обрушивали крыши на этихъ поганныхъ и тѣмъ душили ихъ. Вологодскій Сборникъ, V, 195.—Литература о Чудѣ отчасти указана А. Н. Веселовскимъ въ «Замѣткахъ о литературѣ и народной поэзіи», Спб. 1883, стр. 83—84. Слово Чудь въ Архангельской губерніи употребляется съ одной стороны какъ бранное, съ другой—матернымъ для страшанья дѣтей.

²⁾ Ефименко, Матеріалы по этнографіи р. населенія Арханг. губ. I, 155 (Изв. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этн., т. XXX).

Едва ли не о до-исторической борьбѣ Русскихъ съ Финнами говоритъ одна корельская легенда.

«Мудрецъ Похюльскій, старый вѣшунъ, собралъ всѣхъ Суомалайнь, передалъ князю ихъ дары и приглашалъ послушать его слова. Онъ повѣдалъ только, что открылось ему въ полученномъ свѣ. Видѣтъ я, говорилъ мудрецъ, что въ далекой Вапоја (Руси) подымается грозная буря... Идите отсюда повтому по большой рѣкѣ (Волхову?) къ великому озеру (Ладожскому). Я слушалъ траву въ зеленомъ полѣ, слушалъ стрекотанье кузнечика въ густой зелени, спрашивалъ вѣтроръ, летящій отъ юга, вопрошалъ рыбу въ великой рѣкѣ, спрашивалъ быструю птицу, быстро несущагося зайца, мудраго медвѣдя и узналъ, что грозятъ бѣда народу Суомалайнь. Послушались разумные люди и со стадами своими ушли по рѣкѣ къ великому озеру, а неразумные остались. Имъ жалко было бросить рыбу въ рѣкѣ, траву на лугахъ, пшцу въ полѣ и въ лѣсу, и они не побоялись словъ похюльскаго старца. Сонъ же мудреца исполнился. Грозная буря поднялась съ далекой Вапоја, великія волны разбили лодки непослушныхъ, добрый народъ погубили грозные люди, пришедшіе по великой рѣкѣ. Стоянутъ сыны суомійскіе подъ тяжелой рукою страшныхъ враговъ; ихъ стрѣлы только скользятъ по искусно выкованнымъ грудямъ чужеземцевъ; добрый народъ нарубили южные люди, уведи съ собою они прекрасныхъ какъ радуга дѣвъ сѣвера въ тяжкую неволю». Древн. и Нов. Россія 1880 г. № 10, стр. 273—274 (ст. Елиссеева).

имѣть въ нихъ близкихъ и весомѣнныхъ родичей (въ церковно-славянскомъ языкѣ лобъзати). Другіе ученые, разыскивавшіе финнизмы въ великорусскомъ нарѣчій, были еще менѣе счастливы, чѣмъ Вёске. Конечно, будущіе исследователи, которые соединятъ съ знаніемъ русскихъ говоровъ и славянскихъ нарѣчій отличное знаніе финнскихъ языковъ (особенно восточныхъ), можетъ быть, разыщутъ какіе-нибудь финнизмы, искони принадлежащіе говорамъ центра, а не заимствованные ими изъ говоровъ сѣвера, какъ кеньги, ягель, салакушка, можетъ быть сельдь, семга, сигъ, нанага; но сомнительно, чтобы эти финнизмы оказались сколько-нибудь многочисленными. Мы думаемъ такъ на основаніи давнихъ говоровъ нашихъ сѣверянъ, искони жившихъ рядомъ съ Финнами, пришедшихъ на сѣверъ издалека и встрѣтившихъ въ сѣверной природѣ очень много для себя новаго. Эти говоры далеко не богаты финнизмами. Ни одинъ изъ нихъ не представляетъ сходства съ тѣми говорами Сибири, которые принадлежатъ Русскимъ смѣшавшимся съ инородцами и въ которыхъ остяцкія, тунгусскія, якутскія, бурятскія слова, съ самыми разнообразными значеніями, находятся почти въ томъ же количествѣ, какъ и русскія. Финнизмы нашихъ сѣверныхъ говоровъ—почта исключительно тѣ слова, которыя обозначаютъ растенія, растущія только на сѣверѣ, рыбъ, водящихся только въ сѣверныхъ рѣкахъ и воряхъ, снаряды и способы ихъ ловли, суда, приспособленные для плаванья по сѣвернымъ рѣкамъ и озерамъ, особенности сѣверной природы в т. п., словомъ тѣ слова, которыя до известной степени необходимо заимствовать пришельцамъ отъ туземцевъ и которыя могутъ быть заимствованы при отсутствіи сколько-нибудь тѣснаго общенія между ними. Вотъ рядъ ихъ: янда (болотная сосна), паккула (наростъ на березѣ), тинда, вальчака, лохъ, жирякъ, лоншаты, панъ (названія семги), тагасъ (неводъ для ловли сняткочъ), гарва (сѣть для ловли семги), курма (сѣть въ рѣкѣ на кольяхъ), торбаты (пугать весломъ рыбу), курья (рѣчка, рѣчная заводь), сална (проливъ между островами), селга, шалга (сырая порослая лѣсомъ мѣстность), едина (болотистая мѣстность), кеида (возвышенный песчаный берегъ), мегъ (вдающаяся въ рѣку часть берега) шуга (осенній мелкій ледъ). Финнизмы съ болѣе общимъ значеніемъ, въ родѣ кехтаты (желать), кульпаться (барахтаться въ водѣ), малтаты (понимать), и мало распространены, и малочисленны²⁾.

Намъ могутъ указать на мѣстныя названія рѣкъ, озеръ, горъ, разсѣянные по всѣмъ землямъ великорусскаго центра, финнскія по происхожденію. Но мѣстныя названія—такія слова, которыя вездѣ отличаются замѣчательною живучестью и которыя до чрезвычайности легко, при самомъ слабомъ общеніи, переходятъ, отъ одного народа къ другому (черезъ путешественниковъ, лазутчиковъ, плѣнниковъ). Мы теперь еще пользуемся скифскими или сарматскими названіями Дона, Днѣпра, Днѣстра, Прута; весь цивилизованный міръ употребляетъ варнарскія ижева Миссисипи, Миссури, Минчиганъ, Онтарио и т. п.

И такъ, нѣтъ данныхъ, которыя бы говорили о мирномъ занятіи Русскими пустыхъ земель рядомъ съ Финнами.

И это вполне естественно. Можно ли говорить о пустыхъ, никому въ той или другой степени не принадлежавшихъ земляхъ на берегахъ Волги, Оки, Клязьмы въ тѣ времена, когда сѣверныя тундры уже имѣли свое населеніе? Можно ли говорить объ отсутствіи населенія или его чрезвычайной рѣдкости, когда даже ничтожныя по величинѣ рѣчки и ручьи великорусскаго центра имѣютъ не-славянскія названія и тѣмъ показываютъ, что передъ приходомъ Русскихъ при нихъ или близко отъ нихъ находилось не-славянское населеніе? Имѣемъ ли мы право полагать, что занимавшіе лучшія мѣста Финны добровольно подѣлились своими пастбищами, бортными угодьями, рыбными

¹⁾ Подобныя слова заимствованы, напримѣръ, Европойцами у туземцевъ Австраліи: названія животныхъ конгору, динго, вомбаты и др.

²⁾ Финнизмы со сущіальнымъ значеніемъ встрѣчаются (в нѣрѣдко) въ сѣверно-русскихъ документахъ XIV—XVII вв. (селга въ документѣ 1391 г., курья въ документѣ XIV в., едина, вода куроная въ док. XIV—XV в., тинда, гарва въ док. 1591 г., тагасъ въ док. XVII в.), финнизмы же съ общимъ значеніемъ имъ неизвѣстны.

людьми съ пришельцами Русскими, или что Русскіе, болѣе цивилизованные и лучше вооруженные, чѣмъ Финны, выйдя добровольно изъ своей прародины, не попробовали отнять лучшія мѣста у Финновъ и поселились въ какихъ-нибудь лишенныхъ для туземцевъ цѣнностей болотахъ и трупобахъ? Мы можемъ отвѣтить на эти вопросы лишь отрицательно. Вотъ кое-какія данныя изъ современности и недавняго прошлаго, когда правительственная власть уже охраняла права туземцевъ Финновъ.

У Вогуловъ, рассказываютъ Аляквистъ, «земля, или лучше сказать—лѣсъ есть общее достояніе, такъ что каждый имѣетъ право въ немъ охотиться и стрѣлять, сколько ему угодно. Живущимъ южнѣе по р. Пелому Русскимъ Вогулы не иначе позволяютъ охотиться, какъ только вмѣстѣ съ ними... Вогулъ свое право охоты дѣлитъ съ Русскими, а сей послѣдній снабжаетъ его за то хлѣбомъ, вся же добыча дѣлится на равныя части. Но относительно рыболовства существуютъ другіе порядки, такъ какъ всякое устье или другое какое-нибудь рыбное мѣсто на рѣкѣ имѣетъ своего владѣльца, отъ котораго только Русскіе и могутъ брать эти мѣста на аренду» 1).

«Самыя лучшія и выгодныя мѣста (въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ.), какъ напримѣръ около рѣкъ и по возвышенностямъ, заселены коренными мѣстными жителями Мордвою... Рассказываютъ, что лѣтъ за 70 у жителей деревни Нехоросева (Лукояновскаго уѣзда) каждую весну бывали сраженія съ сосѣднею Мордвою изъ-за земли. Сражались колями, стрѣляли изъ лучка камнемъ и побойше рѣдко обходилось безъ смертоубійствъ» 2).

Мы думаемъ, что Великоруссы центра не могутъ быть потомками Финновъ въ такой же степени, въ какой и потомками Русскихъ. Это, конечно, не мѣшаетъ намъ видѣть въ нихъ нѣкую примѣсь финнской крови. По нашему мнѣнію, остатки Финновъ, загнанные въ болота и лѣсныя трупобы, были оставлены въ покоѣ Русскими, и окруженные ими, мало по малу обрусѣли. Обиліе финнскихъ названій селъ и деревень въ какой-либо мѣстности есть, кажется, хорошій признакъ того, что въ этой мѣстности болѣе или менѣе долго сохраняли свою народность Финны. Такое обиліе мы находимъ въ сѣверной, болотистой части Рязанской губерніи; здѣсь рядъ названій въ родѣ: Нармушадъ, Салауръ, Вещуръ, Чарусъ, Ибердусъ, Нарма (Касимовскій уѣздъ), Шатуръ, Телема, Чисьма, Кочема, Тюрвищъ (Егорьевскій уѣздъ), Экшуръ, Ушмаръ, Изохта, Кайманъ, Чарсулъ (Рязанскій уѣздъ) 3), и при нихъ названіе всей мѣстности Мещерскою стороною, а жителей ея кое-гдѣ Мещеряками 4). Такое же обиліе финнскихъ названій мы видимъ по рѣкѣ Костромѣ, Костромской губ.: Нукша, Шунга, Пестеньга, Колгора, Сандогора. Сверхъ того, свою долю вліянія на Великоруссовъ должны были оказать рабы Финны, нѣкогда, судя по давнымъ лѣтописей, многочисленныя 5).

Теперь нѣсколько словъ объ одномъ изъ типовъ великорусскихъ.

Сравненіе Великоруссовъ съ ихъ русскими и славянскими родичами позволяетъ намъ думать, что оупущенный г. Зографомъ изъ виду, но нерѣдкій еще и теперь въ Великой Руси типъ—тенивоолосый, отчасти темноглазый, отчасти свѣтлоглазый, не малорос-

1) Л. Н. Майковъ. О древней культурѣ западныхъ Финновъ, Спб. 1877, стр. 97.— Около 1638 г. Остатки подали челобитную на одного Русскаго, поселившагося при впаденіи рѣки Дыбчаса въ Енисей: «Написалъ (онъ) воровски, будто-де то мѣсто у Дыбчаса пусто и не владѣть тѣмъ мѣстомъ никто..., а то мѣсто не пустое и владѣли тѣмъ мѣстомъ исковыи вѣка дѣды наши и прадѣды;... и мы, свроты твои, и отцы наши тамъ соборей, всякаго съѣстнаго звѣря и рыбу промышляли». П. Н. Буцинскій, Мангазомъ и Мангазейскій уѣздъ, Харьковъ 1893, стр. 32.

2) Нижегородскій Сборникъ, II, стр. 20, 229 (1869 г.).

3) Мы, конечно, не принимаемъ во вниманіе названій поселеній тождественныхъ съ названіемъ рѣкъ (въ родѣ Москва).

4) Толковая Палая, въ своемъ перечнѣ финнскихъ племенъ (не менѣе древнѣмъ, чѣмъ перечень Начальной лѣтописи), упоминаетъ о Мещерѣ, не указывая мѣсть ея поселеній.

5) Не они ли составляли ту челядь, которою во времена Святослава торговала Русь?

лый, съ бѣлымъ цвѣтомъ и съ правильными чертами лица, болѣе или мѣнѣе красивый,— одинъ изъ чисто славянскихъ типовъ. Его мы находимъ въ Паозерѣ, на берегахъ озера Ицмения, гдѣ живутъ прямые потомки древнихъ Новгородцевъ. «Въ этомъ краю, говорить наблюдатель, жители имѣютъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ прочихъ жителей губерніи. Народъ рослый, мускулистый, широкоплечій. Лицо широкое съ прямыми, довольно мясистыми носомъ, съ кариими глазами, съ темнорусыми густыми волосами на головѣ и бородѣ. Характера твердаго до упрямства, сѣтлаго и разудалаго» ¹⁾. Этотъ типъ обыченъ въ средѣ великорусскаго духовенства (съ его свѣтскимъ потомствомъ), въ средѣ того сословія, которое издревле представляло нѣкоторую замкнутость и брачилось по преимуществу между собою ²⁾. Этотъ же типъ постоянно воспѣвается въ великорусскихъ пѣсняхъ разныхъ мѣстностей, когда они говорятъ о чернобровыхъ и черноглазыхъ:

Изъ лица она красавица:	Прилегайте вы, кудри русыя,
Безъ бѣлилъ—лицо бѣлое,	Къ его лицу, лицу бѣлому,
Безъ румянъ—щечки розовы,	Къ его щечкамъ, щечкамъ розовымъ,
Безъ сурмиль—брови черныя.	Къ его бровямъ, бровямъ чернымъ.

Чернобровая моя, подыми шляпу (Казань).

Саша чернобровая,
Черноброва хороша.

Чернобровый мальчикъ, черноглазый (Вологодская губ.) ³⁾.

А. Соболевскій.

Piesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (u latach 1861—1891), muzyce opracował Zygmunt Noskowski. Kraków. 1892. 8°, str. 361.

Какъ видно изъ словъ составителя, настоящій сборникъ образовался въ теченіи тридцати лѣтъ, посвященныхъ собиранію памятниковъ народнаго творчества. Въ предисловіи мы узнаемъ, что г. Глогеръ началъ собирать народныя пѣсни еще будучи ученикомъ 4-го класса, изъ чему пріохотили его лекціи извѣстнаго К. В. Войцיצаго, одного изъ первыхъ собирателей польскихъ народныхъ пѣсней. Перечитывая затѣмъ другіе сборники г. Глогеръ пришелъ къ заключенію, что даже извѣстные этнографы допускали въ текстахъ записываемыхъ пѣсней значительныя ошибки вслѣдствіе неправильнаго способа записыванія. Онъ поставилъ себѣ задачей выбрать изъ массы матеріала тексты наиболѣе простые, но характеристичныя, которые могли бы послужить пособіемъ при изученіи народной словесности. Такимъ образомъ появился настоящій

¹⁾ Новгородскій Сборникъ, I, стр. 3.

²⁾ Это замѣчено не нами. См. Московскіи Вѣдомости 1892 года №№ 210 («Научныя замѣтки») и 212.

³⁾ Овсянниковъ, Русскія народн. пѣсни, записанныя въ г. Казани (Каз. 1886). Вологодск. Сборн., IV. То же у нашихъ поэтовъ, какъ у подражавшихъ народнымъ пѣснямъ: Чернобровый, черноглазый молодецъ удалый (Меряляковъ), Лицо бѣлое, .. косы черныя (Кольцовъ), такъ часто и у не подражавшихъ (у Пушкина, Лермонтова). Пѣсни, и великорусскія, и малорусскія (свадебныя), говорятъ о русой косѣ. Но понятіе о русомъ цвѣтѣ—понятіе очень широкое: современный языкъ называетъ русыми и волосы—волосы отъ самыхъ свѣтлыхъ до почти-черныхъ.